

М. Хагбин¹, А.Н. Животенков²

¹ Астраханский государственный университет,
414056 г. Астрахань, Российская Федерация

² ООО «ЗН Восток»,
14155 г. Тегеран, Исламская Республика Иран

Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии

В данной работе представлены исторические предпосылки определения правового режима Каспийского моря, изучены позиции и действия прибрежных стран на современном этапе. Также в статье рассмотрены различные аспекты Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, подписанной президентами всех прикаспийских государств в 2018 г. Сделана попытка выявить причины задержки ратификации Конвенции Ираном и обозначить его требования к остальным участникам переговорного процесса. Объектом настоящего исследования выступили интеграционные процессы в Каспийском регионе, а предметом – сама Конвенция и реакция представителей истеблишмента и экспертного сообщества Ирана на ее подписание. Авторы также проследили эволюцию правового режима Каспийского моря. Метод сравнительного анализа помог раскрыть суть противоречий сторонников и противников подписания Конвенции в Иране, а контент-анализ был применен в целях выявления качественных отличий предмета исследования от документов-предшественников. В заключении статьи авторы дают свою оценку видения сложившейся ситуации вокруг ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и делятся собственными соображениями по поводу принятия дальнейших конструктивных решений.

© Хагбин М., Животенков А.Н., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Каспийское море, прикаспийские государства, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, интеграционные процессы в прикаспийском регионе, Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Хагбин М., Животенков А.Н. Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 122–142. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142

M. Haghbin¹, A.N. Zhivotenkov²

¹ Astrakhan State University,
Astrakhan, 414056, Russian Federation

² ZN Vostok Ltd.,
Tehran, 14155, Islamic Republic of Iran

Iran's position on the ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in the context of integration processes in the Caspian

This research presents the historical background for determining the legal status of the Caspian Sea and examines the viewpoints and actions of coastal countries at the present stage. The article also examines various aspects of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, signed by the presidents of all the Caspian states in 2018. Furthermore, an attempt was made to identify the reasons for the delay in the ratification of the Convention by Iran as well as to recognize its requirements towards the other participants of the negotiation process. In general, the object of this research is the integration processes in the Caspian region, and the subject is the Convention itself and the reaction of the representatives of the Iranian leadership elite and the expert community to its signing. The method

of comparative analysis helped to reveal the essence of the contradictions between supporters and opponents of signing the Convention in Iran, and content analysis was applied in order to identify qualitative differences between the research subject and previous documents. In conclusion the authors present their vision of the current situation around the ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and share their own considerations on making further constructive decisions.

Key words: the Caspian Sea, Caspian states, the Convention, ratification, integration processes, Russia, Iran, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan

FOR CITATION: Haghbin M., Zhivotenkov A.N. Iran's position on the ratification on the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in the context of integration processes in the Caspian. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 122–142. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142

Акватория Каспийского моря долгое время считалась объектом разделения и совместного пользования двух стран – Ирана и России, как бы они ни назывались в различные исторические периоды. С распадом СССР на карте мира в Каспийском регионе появились новые государства: Казахстан, Азербайджан и Туркменистан. Таким образом, Каспийское море стало более сложным объектом с точки зрения принципов делимитации границ. Данное обстоятельство привело к многочисленным встречам дипломатов государств «Каспийской пятерки». Кроме того, были проведены 12 встреч на уровне министров, 5 президентских саммитов, заложивших фундамент для подписания первого в постсоветской истории всеобъемлющего соглашения (конвенции) о правовом регулировании в водах Каспийского моря и установлении его статуса. Поддержали и стали участниками данного соглашения все страны Каспия. Этот шаг выглядит немалым успехом. Во-первых, переговоры вели представители пяти равноправных стран-участниц, а процесс переговоров имел некоторые трудности, т.к. национальные интересы акторов пересекались, либо же вовсе не совпадали между собой. Во-вторых, бассейн Каспийского моря – это не только крупнейший источник водных и углеводородных ресурсов в центре континента, но и соединяющий судоходные реки транспортный узел и богатый биоресурсами источник [7]. Следовательно, лишь добрая воля стран-участниц договорного процесса, их способность идти на компромисс и стремление к сохранению мира в Каспийском регионе послужили тому, что Каспийское море стало «кольцом единения», а не «яблоком раздора», хотя все необходимые предпосылки для второго варианта развития событий также

присутствуют¹. Как ни странно, содержание упомянутого документа, равно как и последовавшие за его подписанием события ясно указывают на ряд сложностей, с которыми столкнулись прикаспийские государства.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря определяет принципы, по которым можно интенсифицировать интеграционные процессы в сфере безопасности, экономической кооперации, природопользования, защиты экосистемы и окружающей среды Каспийского бассейна, развития транспортного потенциала и др. Вместе с тем, рассматриваемый документ не устанавливает окончательные разграничительные линии на море, поэтому можно сказать, что сохраняется потенциальная проблема дезинтеграции прикаспийских государств. В этой связи следует отметить, что на сегодняшний день только Исламская Республика Иран не ратифицировала Конвенцию.

Итак, в данной статье рассматриваются история, современное состояние, перспективы развития интеграционных процессов с учетом содержания Конвенции, а также причины задержки ратификации указанного документа Исламской Республикой Иран.

Для лучшего понимания подходов, позиций и аргументов прибрежных государств обратимся к истории формирования нынешнего правового режима Каспийского моря.

Правовой режим водного пространства (Каспийского моря) в XX в. был установлен советско-иранскими договорами: Договором между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г., Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г.

Эти документы устанавливали положения о «свободе судоходства по всей акватории моря, свободе рыболовства за исключением десяти-мильных прибрежных зон, в которых соответствующие прибрежные государства имеют особые полномочия, запрете плавания судов под флагами некаспийских стран» [9, с. 113]. Однако данные соглашения не включали в себя вопросы о недропользовании, охране окружающей среды, транзитно-транспортных взаимоотношениях и т.д. Указанные сферы правового регулирования после 1991 г. приобрели еще большую актуальность на волне образования новых независимых государств на постсоветской территории, потому что Каспийское море и его

¹ Возможно, некоторые уважаемые читатели сочтут данное заявление идеалистичным и подвергнут критике мысль о том, что основными факторами заключения Конвенции явились договороспособность и независимое желание прикаспийских стран прийти к консенсусу и установить единый правовой режим Каспийского моря. В настоящей статье авторы последовательно и аргументированно отстаивают свое право на видение исследуемого процесса, в чем и выражается, в том числе, новизна данной работы.

нефтегазовые запасы стали лакомым куском как для государств-конкурентов в регионе, так и для крупных частных компаний. Началась упорная борьба за месторождения этих территорий на различных уровнях: от дипломатического до торгового, конечно, без военных действий. Часть республик бывшего СССР приняли решение вести разведку и добычу нефти и газа в любой из точек Каспийского бассейна. Такое поведение привело к нарастающим конфликтным ситуациям между странами, что привело к необходимости выработки нового правового режима в Каспийском море.

Затрагивая проблему правового статуса Каспия, подчеркнем в очередной раз и то обстоятельство, что столкновение интересов неизбежно при обсуждении вопроса маршрутов транспортировки и установления границ добычи для каждой из сторон. Ведь амбиций у всех стран много, значит, дипломатия в данном случае требует утонченной работы, чтобы никто не остался обделенным и был удовлетворен результатами такого разделения. Каждая из стран-участниц обосновывает свою позицию собственными финансово-экономическими оценками, в которых используются геологоразведочные данные, касающиеся объемов газа и нефти разных месторождений, в установлении контроля над которыми они заинтересованы [3, с. 242]. Можно согласиться с мнением И.С. Рожкова, что именно фактор энергоресурсов стал решающим для обеспечения благоприятной обстановки в обсуждении вопросов правового статуса Каспийского моря и позитивной кооперации в будущем [9, с. 112].

После распада СССР комиссия правительства Российской Федерации по «каспийскому вопросу» делала расчет на полное выполнение членами СНГ положений Декларации, которая была подписана в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. Для российской стороны самыми важными пунктами к выполнению стали гарантированный запрет на нахождение и передвижение судов некаспийских стран в акватории Каспийского моря и сохранение принципа «общей воды». К тому же это определило и тот факт, что согласование своих действий с Тегераном и Москвой в Каспийском море со стороны Баку, Ашхабада и Астаны (Нур-Султана) является обязательным. В свою очередь, новоиспеченные суверенные республики показывали свое настойчивое желание осуществлять разведку и добычу углеводородных ресурсов Каспийского бассейна, стремясь уйти от решения юридических вопросов о разделе территории на конкретные сектора. Самостоятельный и скорейший выход на внешние рынки, монетизация как можно большего количества ресурсов явились приоритетными задачами для бывших союзных республик [5, с. 42–43].

В качестве примера можем привести событие 20 сентября 1994 г., когда состоялось подписание крупного контракта Азербайджана с несколькими западными нефтяными компаниями. Таким образом, молодая тюркская республика продвигала разработку месторождений Гюнешли, Азери, Чираг. В ответ на такое решение Азербайджана последовала негативная реакция российской стороны, для которой предпочтительным являлось установление совместной кооперации в каспийских водах между прибрежными государствами [4, с. 73]. Азербайджанские нефтегазовые месторождения и сейчас очень привлекательны для инвесторов из третьих стран. Именно поэтому Баку выступил главным инициатором разделения Каспийского бассейна на конкретные сектора. В ходе такого секторального деления большая часть месторождений уходила под контроль республики, что давало заинтересованным западным финансовым структурам прекрасную возможность для действия. Москву не устраивал такой расклад событий, отчего руководство РФ было вынуждено предпринять шаги по корректировке своей политики в вопросах, которые касались освоения ресурсов Каспийского моря [8, с. 48–50].

В Астане тоже понимали, что стране представится шанс получить территории с наибольшими запасами углеводородных ресурсов, если произойдет секторальное деление Каспийской акватории. Руководители Казахстана строили свою политику таким образом, чтобы слезть с «сырьевой иглы» РФ. Они пытались выйти на мировые рынки, заключая выгодные сделки с другими странами, особенно с Китаем. Примерами здесь могут послужить запуск трубопровода Атасу–Алашанькоу и строительство нефтепровода Кенкияк–Кумколь для соединения месторождения углеводородных энергоносителей западной части Казахстана с КНР. Помимо этого, казахстанское правительство в 2006 г. приняло решение о присоединении к проекту строительства трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан, подкрепив юридически свое стремление вести самостоятельную политику на мировом нефтяном рынке. Казахская сторона показала свою гибкость при участии в процессе определения правового статуса Каспийской акватории, не забывая о своих национальных интересах. В итоге, Астана овладела крупнейшими секторами нефтегазовых месторождений, сохранив благоприятные отношения с соседями [Там же, с. 51–52].

Более проблематично шли переговоры между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном на юге Каспийского моря. По словам Н.П. Кольчугина, «Туркменистан выступает за разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы, либо зоны, на основе принципа срединной линии по договоренности с сопредельными Казахстаном и Ираном

и противолежачим Азербайджаном» [6]. С точки зрения иранского профессора международных отношений Пируза Моджтахедзаде, Туркменистан не желал участвовать в широкомасштабном конфликте из-за противоречивых позиций по правовому режиму Каспийского моря и предпочитает вести сдержанную политику в этом отношении. В целом, Ашхабад поддерживал позицию Ирана в данном вопросе [15].

Можно сказать, что Иран поставил для себя ключевой задачей недопущение посторонних стран в каспийские воды, особенно государств Запада. Так, Тегеран изначально выступал за равное и, по его мнению, справедливое разделение на секторы между странами «Каспийской пятерки». Причина заключается в том, что те 11% от общей территории моря, которые предполагались для иранской стороны, обладают наименьшими объемами запасов ископаемого топлива и, как следствие, в представлении иранской политической элиты, этот вариант неприемлем. Иран рассчитывал на получение 20% водного пространства [8, с. 48]. Именно поэтому, по мнению Кольчугина, Исламская Республика Иран остается самой неуступчивой страной-участницей процесса переговоров. Многие эксперты прогнозируют тупиковую ситуацию в обозначенном вопросе, а это значит, что иранцы не смогут получить те территории, на которые они претендуют. Представители остальных государств «пятерки» неоднократно делали заявления о «пробуксовке» дальнейших переговоров, т.к. предоставление 20% территорий иранской стороне видится невозможным [6].

Стоит отметить, что разница понимания сути советско-иранских договоров XX в. является не единственным поводом для дебатов в вопросах деления вод и недр Каспия. Некоторые эксперты не только России и Ирана, но и других государств апеллируют еще и к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Они считают, что указанный документ правоприменим в отношении принципов деления Каспийского бассейна между прибрежными государствами, а также вопросов пользования морским пространством, ресурсами и т.п. По нашему мнению, такой подход является юридически неточным и основанном на допущениях. Не секрет, что в настоящее время Каспийское море соединено с Азовским, и, на первый взгляд, оно подпадает под определение «замкнутых и полузамкнутых морей» в соответствии со ст. 122 Конвенции ООН². Но, как резонно отметил иранский специалист в области политической географии М. Хафезния, данный выход в открытое море появился в результате строительства Волго-Донского канала, который

² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

не является природным водотоком, поэтому данный признак правоприменения Конвенции ООН является несостоятельным [12, с. 117]. Исходя из вышесказанного, напрашивается вывод, что Каспийское море является внутриконтинентальным озером без прямого выхода в мировой океан, поэтому его дно не подпадает под определение континентального шельфа, данного в ст. 76 Конвенции ООН³ [9]. Таким образом, российские эксперты международного права резонно отмечают, что дно и недра Каспия не могут считаться частью «открытого моря», свобода пользования ресурсами которого прописана в ст. 86, 87 упомянутого документа [1, с. 132].

Учитывая разность подходов стран-участниц переговорного процесса к решению вопроса о пограничном разграничении Каспийского моря, о которых говорилось выше, факт совместного подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. после более чем двух десятилетий безрезультатных переговоров удивил общественность и многих политиков. В рамках данной статьи рассмотрим мнения иранской стороны о подписании исследуемого документа и причины задержки ратификации Конвенции со стороны Исламской Республики Иран.

В современном Иране сложилось два лагеря, по-разному оценивающих актауское соглашение. Критики Конвенции указывают на выбор неподходящего времени для переговоров по правовому статусу Каспийского моря, учитывая слабую позицию республики в тот период на международной арене, равно как и слабость ее дипломатических рычагов для решения экстерриториальных проблем.

После одностороннего отказа США соблюдать Совместный всеобъемлющий план действий и последовавшего за этим восстановления санкционного режима против Тегерана, ситуация вокруг Исламской Республики Иран обострилась. Крупные европейские нефтегазовые компании, например, французская Total, стали отказываться от участия в тендерах на территории Ирана. В условиях новой изоляции Тегерана со стороны западных стран «Каспийская пятерка» пошла на подписание Конвенции, тем самым ее участники показали, что прагматичные добрососедские отношения в регионе для них являются приоритетными. Ради «мира на корабле» прикаспийские государства поступились своими интересами развития отношений с США и их союзниками.

Элахе Кулаи, профессор международных отношений и бывший депутат парламента Ирана, назвала выход США из «ядерной сделки» и последовавшие за этим санкции против Ирана значимым фактором

³ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

в подписании соглашения в Актау. Она считает, что в 2002 г., когда президент США Джордж Буш-младший причислял Иран к «оси зла», прикаспийские государства придерживались схожего подхода и в том же году попытались вывести Иран из цикла переговоров первой каспийской встречи на высшем уровне в Ашхабаде. По ее словам, саммит в Актау прошел в таких же условиях, когда давление президента США Д. Трампа на Иран усилилось. Тегеран выбрал неподходящее время для того, чтобы сесть за стол переговоров о правовом статусе Каспийского моря, поэтому интересы Исламской Республики Иран не были учтены должным образом⁴.

Бывший посол Ирана в Баку Афшар Солеймани считает, что Россия ведет «двойную игру» с Ираном относительно Каспийского моря. «С одной стороны, русские подчеркивают, что любое решение по Каспийскому морю должно приниматься с согласия всех прибрежных государств, а с другой – они проконсультировались с каждой страной и достигли соглашения», – добавил он. Бывший дипломат также сослался на «незавершенность» конвенции и назвал неясным будущее для Ирана касательно важного вопроса Конвенции о разграничении недр в связи с подписанием двусторонних и многосторонних соглашений другими прикаспийскими государствами⁵.

В то же время Малекзаде, другой критик Конвенции о правовом режиме Каспийского моря, считает, что одним из важнейших возражений против исследуемого документа является отсутствие исполнительных гарантий. С его точки зрения, в Конвенции говорится, что пять прикаспийских государств не вправе передавать свои берега другой стране для их использования против одного из прикаспийских государств, но в этом смысле нет гарантии правоприменения указанного пункта. По его словам, данный документ не признает юрисдикцию Международного Суда в Гааге и не признает в этом отношении никакого другого международного источника авторитетным⁶.

Исследуя различные точки зрения по проблемам разделения Каспийского моря, можно прийти к выводу, что вопрос делимитации морских границ был и остается серьезным вызовом для прикаспийских государств на протяжении многих лет. В Иране эта проблема вызвала особую озабоченность, а правительство оказалось неспособно убедить общество в необходимости подписания договора. Независимо от юридических и исторических документов и заявлений экспертов, проблема

⁴ URL: tabnak.ir/003SdC

⁵ URL: <https://www.ilna.news/fa/tiny/news-655451>

⁶ URL: <https://www.isna.ir/news/97073017036/>

стала предметом обсуждения в массах. Отдельные лица, независимо от опыта, знаний и уровня образования, поставили себя в положение истцов и обвинили участников переговоров, дипломатов, Министерство иностранных дел, правительство и даже весь государственный аппарат Ирана чуть ли не в измене национальным интересам. Конвенция по Каспийскому морю была истолкована пользователями социальных сетей как «продажа страны» и «нарушение территориальной целостности»⁷.

В этой связи мы полагаем необходимым раскрыть позицию официальных должностных лиц, так или иначе поддержавших подписание Конвенции в Актау. Именно их видение данной проблематики может дать ответ на вопрос, почему действующие власти пошли на подписание Конвенции, несмотря на заведомую непопулярность условий «сделки» в народе.

Президент Ирана Хасан Рухани об этой конвенции заявил: «Иран получил особые привилегии в Каспийской конвенции... Россия, страна, которая когда-то претендовала на большую часть Каспийского моря, сегодня удовлетворилась всего лишь его долей в 17%. Россия, Казахстан и Азербайджан договорились о разделе северной части моря и его недр, и доля России стала 17% всего моря. А в южной части моря еще существуют проблемы между Туркменистаном, Ираном и Азербайджаном. Хотя с Азербайджаном у нас были хорошие договоренности, которые уже в процессе исполнения, но некоторые из этих вопросов еще не были решены. В области национальной безопасности мы достигли больших успехов»⁸.

Мохаммад Джавад Зариф, глава МИД Ирана, назвал неверными представления о доле Исламской Республики Иран в разделе Каспийского моря. На вопрос: «Правда ли, что предыдущая 50-процентная доля Ирана была уменьшена до 11 процентов?» Зариф ответил: «Нет, никогда не было 50 процентов в прошлом, и сейчас это не 11 процентов или какое-либо другое число. Кроме России и Казахстана, доли еще не определены». Министр иностранных дел также на вопрос «Отступило ли правительство от прав Ирана на Каспийское море?», ответил: «Это не так, Иран не отступил ни в чем»⁹. Окончательная доля Ирана в Каспийском море будет определена после переговоров с Туркменистаном и Азербайджанской республикой, двумя соседними странами в Каспийском море, и только на основании подписанного соглашения

⁷ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3427956>

⁸ URL: <https://www.mehrnews.com/xMcnM>

⁹ URL: <https://www.alef.ir/news/3970524029.html>

с этими двумя странами. Следует отметить, что данные переговоры ведутся МИДом на основании решения Высшего совета национальной безопасности Ирана. Утверждения совета, в свою очередь, должны быть одобрены Верховным лидером Исламской Республики Иран. Мохаммад Ибрагим Рахимпур, бывший переговорщик Ирана по Каспийскому морю, сказал, что прерогативой верховного лидера аятоллы Али Хаменеи является решение о доле Ирана в Каспийском море¹⁰.

Профессор международного права Джамшид Момтаз, отвечая на вопросы о правовом режиме Каспия, заявил, что следует учитывать не проценты, а сами ресурсы, и еще неизвестно, что получит Иран при определении границ в будущем, т.к. любая страна может иметь долю от 12 до 18% или более, но не иметь ресурсов на данном участке. В продолжение разговора он заявил: «Никаких договоренностей о разграничении не было, и этот вопрос должен обсуждаться на двусторонних переговорах с соседними прикаспийскими странами. Хотя некоторые страны пришли к соглашению между собой, но Иран еще не решил этой проблемы с соседними прикаспийскими странами»¹¹.

В свою очередь, глава секретариата по Каспийскому морю в МИДе и, по совместительству, посол Исламской Республики Иран в Казахстане Маджид Сабер заявил: «Мы даем гарантию иранскому народу, что мы не сделали ни малейшего отступления в отношении доли Ирана. Единственное, что произошло, – это то, что мы исключили две конвенции из ряда конвенций о правовом режиме Каспийского моря и после 21 года [переговоров] подвели итоги по остальным позитивным и решаемым вопросам, что позволило президентам пяти прикаспийских государств поставить свои подписи»¹². Сабер подчеркнул и другую актуальную для Ирана деталь – необходимость учитывать неблагоприятную географическую форму иранского побережья при делимитации границ. Он ответил и на вопрос о том, что произойдет с другими подписанными соглашениями, если соглашение о делимитации морского дна и его недр не будет достигнуто. «Если исходные линии и методы разграничения не будут определены, то выполнение некоторых пунктов подписанной Конвенции будет приостановлено. Согласно действующим постановлениям, до тех пор, пока не будет проведена делимитация границ, Иран будет защищать долю, на которую претендует, что составляет около 20%, и в этот период Иран не позволит ни одной стране приступить к разведке и разработке энергоресурсов. На эти 20 процентов

¹⁰ URL: <https://www.isna.ir/news/97052513230>

¹¹ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3426916>

¹² Там же.

территории распространяется не только наше право собственности, но и суверенные права»¹³.

Подобные представления о праве Исламской Республики Иран на конкретные процентные доли Каспийского бассейна исходят из толкования советско-иранских договоров. Обычные граждане Ирана и даже представители политических кругов часто говорят о том, что в 1921 и 1940 гг. Иран и Советская Россия подписали договоры, по которым справедливо разделили между собой владение Каспийским морем. На этом основывается утверждение о том, что распад СССР в 1991 г. не может влиять на права Ирана. Следовательно, оставшиеся постсоветские государства вместе должны унаследовать 50% своего права, а не перераспределять все Каспийское море. Это было бы верным, если бы между Ираном и СССР было такое соглашение. Но дело в том, что эти договоры не разделяют территорию Каспийского бассейна между Ираном и СССР. Обе страны лишь согласились иметь равные права судоходства в этих водах, пользоваться льготами и иметь право на рыболовство в отдалении от береговой линии до 10 морских миль¹⁴.

После пятого Каспийского саммита за пределами Ирана также поднялась волна противодействия принятию Конвенции о правовом режиме Каспийского моря с такими претензиями к правительству, как потеря 50%-й доли Ирана, уступка МИДа Исламской Республики Иран в ущерб национальным интересам и даже предательство и угроза территориальной целостности страны. Общей особенностью этих комментариев в соцсетях было отсутствие ясного источника, а также избегание ссылок на исторические факты и юридически обязательные договоры. По сообщению Государственного информационного агентства IRNA, часть критики в сторону иранского правительства была основана на утверждениях Раджаба Сафарова, российского персоязычного эксперта, выступившего на телеканале ВВС, который не был в числе московской переговорной группы и не имел информации о специфике переговоров по Каспийскому морю¹⁵.

Иранский профессор международного права и бывший дипломат Давуд Хермидас Баванд считает, что права Ирана на Каспийское море уменьшились и, если бы решение по этому вопросу оставалось в компетенции Международного суда, доля Исламской Республики Иран, вероятно, составила бы более 20%. Он подчеркнул, что об этом нельзя судить, не принимая во внимание политические отношения между

¹³ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3426916>

¹⁴ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3427956>

¹⁵ URL: <https://www.isna.ir/news/97052211934>

странами и фактор власти на международной арене. С точки зрения Хермидаса Баванда, Иран стоит один перед четырьмя прикаспийскими государствами: Россией, Казахстаном, Туркменистаном и Азербайджаном¹⁶.

Следует заметить, что в экспертной среде Ирана есть и представители более гибкого подхода к делению Каспийского моря. Ферейдун Маджлеси, иранский специалист и бывший дипломат, заявил: «Соглашение о правовом статусе Каспийского моря удовлетворило меня как эксперта. Эти 50-процентные иллюзии должны быть отброшены... Такого никогда не было ни в одном соглашении»¹⁷. Схожую позицию занял и П. Моджтахедзаде. Он заявил, что во время встречи глав Каспийской Пятерки в Ашхабаде некоторые политики и представители иранской прессы подняли вопрос о принадлежности 50% Каспийского моря Ирану, вследствие чего, сознательно или случайно, могли бы нанести серьезный ущерб национальным интересам Ирана в Каспийском море. «Первый шаг Ирана должен заключаться в том, чтобы забыть бесполезные дебаты 2000-х годов, такие, как вопрос о принадлежности пятидесяти процентов моря Ирану, или разделении моря на пять равных долей по 20 процентов между пятью странами и пр.», – добавил он [15].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что плюрализм мнений в экспертных и политических кругах по поводу прав Исламской Республики Иран на Каспий привел к неспособности выработать единую концепцию, в рамках которой Иран продолжил бы на деле переговоры со своими каспийскими соседями. Эти выводы подтверждаются конкретными фактами: в конце июля 2019 г., подчеркивая независимость и территориальную целостность страны, Дж. Зариф в парламенте Ирана заявил: «До сих пор любое решение в отношении Конвенции по Каспийскому морю принималось с разрешения Высшего совета национальной безопасности и за подписью Верховного лидера, а после прохождения всей процедуры он [законопроект] будет внесен [на рассмотрение] в парламент для принятия окончательного решения»¹⁸. Однако уже в середине апреля 2021 г. Амирхосейн Казизаде-Хашеми, первый вице-спикер парламента Исламской Республики Иран и один из кандидатов на 13-х президентские выборы в Иране (18 июня 2021 г.), в интервью российскому информагентству Sputnik на вопрос об отсрочке ратификации Конвенции парламентом Ирана заявил: «Правительство еще не представило

¹⁶ URL: <https://www.isna.ir/news/97052211593>

¹⁷ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3427956>

¹⁸ URL: <https://www.isna.ir/news/98050703575>

в парламент законопроект о Конвенции, чтобы мы бы ее ратифицировали... Правительство еще не смогло выработать свою четкую позицию [в отношении Конвенции по Каспийскому морю]. Нам [депутатам] еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем эта конвенция будет ратифицирована»¹⁹.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что внутривнутриполитические противоречия в Исламской Республике Иран оказали сильное влияние на вопрос полноценного утверждения Конвенции как основного источника правового режима Каспийского моря. Однако подписание указанного документа все же состоялось в 2018 г. в Актау. Следовательно, можно утверждать, что доводы ученых и экспертов международного права о необходимости установления уникального правового режима для Каспия в итоге совпали с представлениями и политической волей правящих элит прикаспийских государств.

Перейдем к рассмотрению самой Конвенции. Ее уникальность обозначена уже в ст. 1, где Каспийское море признается водоемом, а не морским пространством, что позволило разработать ряд особых принципов регулирования деятельности государств-подписантов Конвенции (подробнее см. [1]).

Кроме того, Конвенция вполне четко установила правила, которые каждая сторона обязалась выполнять (ст. 3). Это запрет на дислокацию войск иностранных государств (не участников соглашения) и на предоставление своих территорий некаспийским государствам с целью совершения интервенции или другого рода агрессии по отношению к любому из государств-подписантов; принцип передвижения судов по Каспийскому бассейну с использованием государственных флагов.

Среди пяти прикаспийских государств Россия как мировая великая держава и Иран как региональная держава, больше трех других прибрежных государств ощущают угрозу присутствия западных стран, в центре которых находятся США, НАТО и их союзники. Именно поэтому российский ученый-востоковед С. Притчин полагает, что вопросы морской региональной безопасности были рассмотрены и разрешены компромиссно, в пользу России и Ирана, которые изначально активно настаивали на запрете размещения военного контингента и объектов посторонних государств [7]. Это решение представляется победой российской и иранской дипломатии в контексте подписания Конвенции, т.к. новообразованные республики основу своей безопасности, развития и роста видели в разновекторной направленности во внешней политике.

¹⁹ URL: <https://sptnkne.ws/FWTY>

В этой связи стоит упомянуть, что Азербайджан и Казахстан не только пустили на свой углеводородный рынок западных партнеров, но и стали участниками американской инициативы «Каспийский страж», идея которой заключалась в установлении охранной зоны на Каспии под эгидой военных США. Программа началась в 2003 г. и представляла собой военно-техническое сотрудничество указанных стран. США также предоставляли военную технику и специалистов для подготовки вооруженных сил Азербайджана²⁰. Отмечается, что под предлогом противодействия терроризму и поддержания стабильности в регионе США преследовали целью оказать давление на Россию и Иран и подготовиться к возможной атаке на последний в связи с опасениями по развитию ядерной программы [2]. К 2022 г. в планах США было установление своего влияния на страны евразийского региона через Каспийское море и Персидский залив [10]. Но этому не суждено было сбыться. Уже в 2014 г. после 4-го саммита прикаспийских государств в совместном заявлении глав государств была обозначена приверженность идее недопущения вооруженных сил, не принадлежащих сторонам договора²¹.

Конечно, интерес новообразованных республик к США не пропал до сих пор, но после 2014 г. военно-техническое сотрудничество США с Азербайджаном и Казахстаном, по многочисленным заявлениям упомянутых прикаспийских республик, перешло в иную плоскость: это различные соглашения по транзиту вооружений и оборудования для американских вооруженных сил в Афганистане. В частности, в январе 2018 г. лидеры Н. Назарбаев и Д. Трамп подписали соглашение о включении портов Курык и Актау в транзитный маршрут специальных грузов с территории Азербайджана через Каспийское море, Казахстан и Узбекистан в Афганистан, и в мае закон о ратификации протокола о внесении изменений в соглашение с США вступил в силу после его подписания Н. Назарбаевым [14]. Несмотря на то, что подобные проекты с участием США в представлении России и Ирана являются факторами риска и дестабилизации обстановки в регионе, все же участники саммита в Актау пошли по пути взаимного учета интересов и подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. С одной стороны, Российская Федерация и Исламская Республика Иран не ставили

²⁰ Caspian Guard. July 27, 2018. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/ops/caspian-guard.htm> (date of access: 18.06.2021).

²¹ Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2014. 29 сентября. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4754> (дата обращения: 18.06.2021).

ультиматумов своим партнерам по переговорам относительно прекращения военно-технического сотрудничества по транзиту вооружений НАТО, с другой стороны, Конвенция закрепила запрет присутствия военной инфраструктуры некаспийских стран в регионе.

В Конвенции остаются нерешенными два вопроса. Один из них – это определение исходных линий, что должно быть согласовано на пятисторонней основе. Другой, более сложной задачей, является процесс по разграничению дна и недр Каспийских вод. На сегодняшний день северные районы моря полностью разделены между странами отдельными двусторонними или трехсторонними соглашениями, остается только южная часть (Иран, Туркменистан и Азербайджан). С.А. Притчин считает, что никакая из сторон соглашения не стала фавориткой либо же аутсайдером. По его словам, «Астана и Баку не только пролоббировали секторальный раздел морского дна в интересах недропользователей, но и сумели взять под свой контроль крупнейшие сектора с самыми значительными запасами нефти и газа» [7]. В свою очередь, побережье Ирана в Каспийском море, в отличие от других прибрежных государств, имеет вогнутую форму. Ввиду данного обстоятельства, соглашение сторон об учете неблагоприятной формы побережий стран при определении их исходных линий (ст. 1) ознаменовало поворотный момент в договорном процессе в сторону учета интересов всех стран-участниц в контексте будущих взаимных обязательств. В настоящее время Рабочей группой высокого уровня прикаспийских государств ведутся переговоры о соглашении по методике установления прямых исходных линий Каспийского моря. Так как ст. 7 Конвенции гласит, что «Внешняя граница территориальных вод является государственной границей», из этого следует, что, согласно ст. 78 Конституции Исламской Республики Иран, соглашение о способе определения прямых исходных линий, по всей вероятности, нуждается в утверждении четырьмя пятими от общего числа членов парламента Ирана [16, с. 307].

В январе 2021 г. Азербайджан и Туркменистан подписали двусторонний акт для урегулирования спора о праве собственности на Каспийское нефтяное месторождение Достлуг (Дружба). Фактически, затухание Нагорно-Карабахского конфликта и перспектива открытия новых безопасных автомобильных и железнодорожных маршрутов на Южном Кавказе создали благоприятные условия для достижения соглашения между Туркменистаном и Азербайджаном. Этот прогресс в области урегулирования отношений между двумя странами очень важен как с точки зрения юридических процедур, так и с точки зрения того, что указанные страны являются активными участниками диверсификации поставок энергоносителей, залегающих в недрах Каспия. Новые

газопроводы Каспийского моря увеличивают число поставщиков «голубого топлива» в Европу, тем самым укрепляют переговорную позицию стран ЕС по части закупок газа. Из этого следует, что РФ может потерять свое привилегированное положение в качестве основного и безальтернативного поставщика газа. В любом случае, будущее Транскаспийского газопровода будет зависеть и от политической воли Брюсселя, его готовности либо поддержать проекты, способствующие диверсификации источников поставки газа в Европу, либо сохранять стабильность отношений с давним партнером – Россией [11]. Несмотря на тот факт, что строительство Транскаспийского газопровода ни стратегически, ни экологически не является выгодным для России и Ирана, ст. 14 Конвенции устанавливает определенные условия его прокладки, требующие согласия других прибрежных государств. Таким образом, ситуация такова, что Исламской Республике Иран целесообразно как можно скорее урегулировать свои территориальные споры.

В ст. 15 рассматриваемой Конвенции упоминается окружающая среда и защита биологических ресурсов Каспийского моря. В связи с этим Исхак Джахангири, вице-президент Ирана, на Первом Каспийском экономическом форуме, называя защиту морской среды как общего наследия одним из приоритетов Каспийской пятерки, заявил: «Мы считаем, что любой план развития должен сопровождаться ускорением выполнения Тегеранской конвенции по защите морской среды Каспийского моря и протоколов к ней... Каспийское море обладает богатыми энергоресурсами, но страны бассейна должны соблюдать экологическое приложение, и должны быть соблюдены все необходимые правила, касающиеся экологии»²². Следует учитывать, что пять стран совместно используют ресурсы Каспийского моря, и экологическое состояние его акватории, разнообразие флоры и фауны влияют на все аспекты экономики и торговли прибрежных государств. Отсюда напрашивается вывод, что вопросы защиты окружающей среды Каспия лежат в плоскости совпадения интересов участников переговорного процесса. Таким образом, осознание необходимости бережного отношения к природе Каспийского моря подталкивает к сотрудничеству и способствует дальнейшей региональной интеграции, выражаемой в проектах по совместному строительству транспортных узлов и артерий, развитию транспортной энергетики и т.д.

Несомненным преимуществом Конвенции о правовом статусе Каспийского моря следует признать тот факт, что документ обладает приемлемой гибкостью, поскольку ст. 18 гласит, что положения

²² URL: <https://tn.ai/2074138>

конвенции могут быть изменены или дополнены с согласия всех сторон, поэтому возражения и опасения, высказанные иранскими скептиками, в случае согласия сторон, могут быть сняты путем подписания дополнительных протоколов.

Отдельно остановимся на непосредственном взаимодействии Ирана и России на Каспии. Для этих стран основными сближающими факторами явились стремление к отсутствию военных формирований некаспийских государств, стабильность на Южном Кавказе и в Центральной Азии, а также необходимость многостороннего подхода в региональных международных отношениях. Однако обе страны явно являются конкурентами с точки зрения рынков сбыта и транзита энергоносителей. Таким образом, Исламской Республике Иран необходимо быть готовым к сотрудничеству и здоровой конкуренции с Российской Федерацией. Последняя занимает особое место в ориентации Ирана на Восток, что не очень нравится странам Запада и некоторым иранским политикам и экспертам. К сожалению, взгляд Ирана на Россию начала 1990-х гг. не был объективным. Современная Россия сильно отличается от СССР [13]. События последних лет подчеркивают, что во внешнеполитическом курсе Ирана в отношении России наметились качественные изменения, направленные на наращивание сотрудничества и формирование добрососедских отношений, включая сферу правового урегулирования на Каспии.

В заключение можно сказать, что, невзирая на различия взглядов относительно значимости и последствий подписания Конвенции 2018 г., на сегодняшний день она является безальтернативным действенным документом, способствующим развитию новых транспортных артерий и экономической взаимовыгодной интеграции прикаспийских государств. Несмотря на наличие конкуренции на мировом рынке нефти и газа, страны-подписанты имеют все возможности для создания совместной инфраструктуры и производственных объектов с целью обеспечения экспорта энергоносителей. Указанный потенциал совместного роста, а также общие интересы в области безопасности и сохранения Каспийского моря могут явиться почвой для формирования устойчивых долгосрочных отношений стран-участниц.

Кроме того, угрозы безопасности со стороны сепаратистских группировок на пути транспортировки нефти и газа, незаконный оборот наркотиков, загрязнение окружающей среды, Нагорно-Карабахский кризис и т.д. подталкивают страны Каспийского региона к многостороннему сотрудничеству и укреплению отношений. В целом, прикаспийскими странами взят курс на интеграцию во всех сферах, включая политическое, военное, экономическое и экологическое. Подписание Конвенции

о правовом режиме Каспийского моря спустя десятилетия после начала переговорного процесса само по себе показало, что у политических элит прикаспийских государств появилось понимание наличия общих интересов и многосторонней взаимозависимости, что заметно проявляется во многих статьях данной Конвенции. С другой стороны, маркером сохранившейся разницы в подходах к решению «каспийского вопроса» является тот факт, что в этой Конвенции прибрежные государства так и не обозначили принципы определения исходных линий и разграничения дна и недр моря, их полноценное урегулирование было отложено до будущих двусторонних или многосторонних соглашений.

Несомненно, в настоящее время Исламская Республика Иран представляется основным игроком, затягивающим дальнейший переговорный процесс. В этой связи консенсус между иранскими ветвями власти ускорит процесс принятия соответствующих внешнеполитических решений. Ранее представители проправительственной партии реформаторов в парламенте 10-го созыва выступили с резкими заявлениями против подписания Конвенции. Разумеется, подобные высказывания были сделаны из-за озабоченности иранского общества и в целях сохранения территориальной целостности страны, но они породили скандалы в иранском обществе. С абсолютной победой консервативной партии в парламенте 11-го созыва, которую также высоко оценил Верховный лидер Ирана и назвал его «одним из самых сильных и революционных парламентов в послереволюционный период»²³, ожидается, что в будущем процесс ратификации Конвенции ускорится. Этому должны поспособствовать и результаты тринадцатых президентских выборов, в ходе которых к победе пришел представитель политического лагеря консерваторов Сейед Эбрахим Раиси²⁴.

Таким образом, без ратификации Каспийской конвенции парламентом Ирана дальнейший переговорный процесс будет очень трудным или даже патовым. Исламской Республике Иран целесообразно изучить все аспекты документа в контексте своих национальных интересов и, с учетом надлежащего понимания геополитики региона, воздержаться от излишних проволочек и сделать серьезный шаг в пользу его ратификации.

²³ Выступление великого лидера Исламской революции на встрече с депутатами Меджлиса XI Созыва Исламской Республики Иран в онлайн-режиме // Официальный сайт великого лидера Исламской революции Ирана. 2020. 12 июля. URL: <https://russian.khamenei.ir/news/4396> (дата обращения: 07.06.2021).

²⁴ URL: <http://fna.ir/1yym2>

Библиографический список / References

1. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // Труды ВНИРО. 2018. Т. 174. С. 129–142. [Bekyashev K.A., Bekyashev D.K. New international legal regime of the Caspian Sea. *Trudy VNIRO*. 2018. Vol. 174. Pp. 129–142. (In Rus.)]
2. Богданов В. Для чего нужна «Каспийская стража» // Российская газета. Федеральный выпуск № 3910. 2005. 27 октября. URL: <https://rg.ru/2005/10/27/azerbaydjan.html> (дата обращения: 14.06.2021). [Bogdanov V. Why do we need the “Caspian Guard”. *Rossiyskaya gazeta*. No. 3910. 2005. 27 October. URL: <https://rg.ru/2005/10/27/azerbaydjan.html> (In Rus.)]
3. Жизнин С.З., Гулиев И.А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22). С. 241–247. [Zhiznin S.Z., Guliev I.A. Energy diplomacy in the Caspian region. *MGIMO Review of International Relations*. 2012. No. 1 (22). Pp. 241–247. (In Rus.)]
4. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе: современный этап // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 71–92. [Zhiltsov S.C. Russian policy in the Caspian region: Modern stage. *RUDN Journal of Political Science*. 2013. No. 2. Pp. 71–92. (In Rus.)]
5. Завьялова Е.Б. Каспийская мечта и геополитическая реальность // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 1. № 5. С. 41–48. [Zavyalova E.B. The Caspian Dream and geopolitical reality. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2017. Vol. 1. No. 5. Pp. 41–48. (In Rus.)]
6. Кольчугин Н.П. Каспийское море: процесс выработки правового статуса остается в тупике // Сайт Института Ближнего Востока. 16 мая 2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14732> (дата обращения: 18.02.2021). [Kolchugin N.P. Caspian Sea: Legal status development process remains deadlocked. Institut Blizhnego Vostoka. May 16, 2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14732> (In Rus.)]
7. Притчин С.А. Конституция Каспия. О чем договорились пять каспийских стран в Актау // Московский центр Карнеги. 15 августа 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77043> (дата обращения: 14.09.2020). [Pritchichin S.A. Caspian Constitution. What the five Caspian countries agreed on in Aktau. Carnegie Moscow Center. 15 August 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77043> (In Rus.)]
8. Притчин С.А. Позиция России по международно-правовому статусу Каспийского моря и IV Каспийский саммит в Астрахани // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 44–65. [Pritchichin S.A. Russia’s position on the international legal status of the Caspian Sea and the IV Caspian Summit in Astrakhan. *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2015. No. 1. Pp. 44–65. (In Rus.)]
9. Рожков И.С. Энергетический фактор как триггер формирования международного режима Каспийского моря на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С. 110–126. [Rozhkov I.S. Energy factor as a trigger for the formation of the international regime of the Caspian Sea at the present stage. *MGIMO Review of International Relations*. 2018. No. 1 (58). Pp. 110–126. (In Rus.)]

10. Gerasimov O. Caspian Tangle. *New Defence Order. Strategy*. 2016. № 4 (41). URL: <https://dfnc.ru/en/c108-novosti-2-1/caspian-tangle/> (date of access: 18.06.2021).
11. Ghezal B. Provisions and consequences of the new agreement between Turkmenistan and Azerbaijan in the Caspian basin. The Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS). 8 February 2021. URL: <http://www.iras.ir/fa/doc/news/4365/> (date of access: 10.04.2021). (In Farsi)
12. Hafeznia M. et al. Explanation of geomorphological factors in the establishment of the legal regime of the Caspian Sea. *Human Geography Research Quarterly*. 2017. No. 49 (1). Pp. 115–131. (In Farsi)
13. Kiani D. Iran and Russia: Threats and opportunities. *Zamaneh*. 2008. No. 72. Pp. 4–10. (In Farsi)
14. Kouzegar Kaleji V. Place of Central Asia, Caspian Sea and Caucasus in the Northern Distribution Network. The Institute for East Strategic Studies. October 10, 2019. URL: <http://www.iess.ir/fa/analysis/2095/> (date of access: 10.06.2021) (In Farsi)
15. Mojtahedzadeh P. Iran and the legal regime of the Caspian Sea. Center for Strategic Studies. 13 August 2018. URL: <http://css.ir/owfyfv> (date of access: 18.06.2021) (In Farsi)
16. Seyrafi S. Baseline in the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. *The Public Law Studies Quarterly (PLSQ)*. 2020. No. 50 (1). Pp. 275–310. (In Farsi)

Статья поступила в редакцию 28.05.2021, принята к публикации 30.06.21
The article was received on 28.05.2021, accepted for publication 30.06.2021

Сведения об авторах / About the authors

Харбин Мохсен – аспирант кафедры политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет

Mohsen Haghbin – postgraduate student at the Department of Politology and International Relations, Astrakhan State University, Russian Federation

E-mail: hagbin@asu.edu.ru

Животенков Александр Николаевич – переводчик, ООО «ЗН Восток», г. Тегеран, Исламская Республика Иран

Aleksandr N. Zhivotenkov – translator, ZN Vostok Ltd., Tehran, Islamic Republic of Iran

E-mail: alexandr.novoross@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript